

Ш. И. НУЦУБИДЗЕ

О НАЧАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ «КНИГИ О ПРИЧИНАХ»
(LIBER DE CAUSIS)

Когда ставится вопрос о первоисточниках «Книги о причинах» (*Liber de causis*), то дискуссию об источниках ее латинского перевода с арабского языка, выполненного около 1187 г. Жераром из Кремоны, как и об ее переводе с арабского на еврейский язык в 1284 г., сделанном Серахием бен Исааком, можно было бы оставить в стороне, так как нас интересует источник самого арабского перевода, выполненного около середины IX в. неизвестно кем и неизвестно с какого языка. Важно только одно: заглавие еврейского перевода «Книги о причинах» уже не содержит указания на ее автора, имевшегося в арабской версии (по всем данным — с X в.) и сохранившегося в латинском переводе: *Liber Aristotelis de expositione bonitatis purae*¹. Трудно установить, что могло побудить переводчика на еврейский язык игнорировать приписывание «Книги о чистом добре» Аристотелю, как это было в арабской версии, и вообще умолчать об этом вопросе. Возможно, здесь было влияние Альберта Великого (ум. в 1280 г.), который в своем труде «*De causis et processu universitatis*» отрицал авторство Аристотеля в отношении книги, известной до того как работа Аристотеля о «чистом добре», и называл ее уже «Книгой о причинах»².

Можно также оставить в стороне указание того же Альберта Великого, что книга эта является собранием высказываний (*dicta*) Аристотеля, Авиценны, Алгацеля и Алфараби, выполненным «неким иудеем Давидом»³.

В другом случае вместо «высказываний» Аристотеля указывается на его «писания»⁴. Тут же имеется примечательное указание, что положения, приписываемые Аристотелю и составляющие содержание «Книги о причинах», «были усвоены и истолкованы Алфараби, Авиценной и Аверроесом»⁵.

В другой работе Альберт Великий пишет, что «в некоторых пассажах Аристотеля, которые вошли в «Начала универсума» и о которых упоми-

¹ Заглавие еврейского перевода: «Книга об изложении высшего добра». См. O. V a r d e n h e w e r. *Die pseudo-aristotelische Schrift. «Über das reine Gut»*. Freiburg in Breisgau, 1882, S. 141.

² Глава I второй части труда Альберта Великого носит название «О заглавии, которым древние называли книгу о первых причинах» (*Albertus Magnus. De causis et processu universitatis*, t. V. Lion, 1651, p. 528—655).

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibid.*, tract. I, cap. f.

⁵ *Ibidem*.

нает в «Метафизике» Авиценна, говорится о «познаваемой силе» (*de cognitione*)⁶.

Из приведенных мест ясно одно: аристотелизм арабов от Алфараби до Ибн Рошда (Аверроэса), т. е. с X по XII в., базировался на «Книге о причинах». Взгляд, что «Книга о причинах» (под названием «Книга о чистом добре») принадлежит Аристотелю, держался очень долго; эта работа включалась в сочинения Аристотеля и в таком виде издавалась до XVI в.⁷ Будучи переведена с арабского на латинский язык в последней трети XII в. Жераром из Кремоны (Испания), она проникла во Францию, где существовали особенно благоприятные условия для социально-идеологической борьбы, развернувшейся вокруг Парижского университета. Острота борьбы отразилась в радикализме и известном церковном демократизме, воспринявшем идеи пантеистического материализма, который был развит в сочинениях Амальрика Бенского и Давида Динанта. Эти авторы в свою очередь основывались на произведениях Псевдо-Дионисия, переведенных на латинский язык в том же IX в. Иоанном Скотом Эриугеной, а также на книге последнего «О делении природы» (*De divisione naturae*).

Следовательно, если арабские компендии, или комментарии, были составлены *ex epistola quedam Aristotelis*, которые касались «Начал», совпадающих с трактатом о причинах, то из этого во всяком случае следует, что арабские философы — Алфараби, Авиценна и Аверроэс — исходили из какой-то арабской книги, приписываемой Аристотелю. Но со временем стало известно, что сочинение о причинах, которое под названием *De expositione bonitatis purae* приписывалось Аристотелю до XIII в., могло возникнуть лишь на основе работы Прокла (ум. в 485 г.) «*Στοιχειώσις θεολογική*», написанной ок. 462 г. Нет надобности подкреплять этот взгляд ссылками на его сторонников и противников, так как тут все решают тексты. В этом отношении Фома Аквинат превосходил Альберта Великого, так как в своем «Комментарии» к «Книге о причинах» тщательно сопоставил ее тексты с *Elementatio theologica*⁸.

Во введении к «Комментарии» Фома Аквинат делает необоснованное заявление, будто книга Прокла *Elementatio theologica* переработана в «Книгу о причинах» одним из арабских философов⁹, причем Фома считает, что эта книга, *qui apud latinos de causis dicitur* едва ли имеется на греческом языке. Отсюда он заключает, что *elementatio* составлено *ab aliquo philosophorum arabum* из извлечений из Прокла¹⁰. Но Фома Аквинат ошибается: из того, что первоисточника «Книги о причинах» не было на греческом языке, вовсе не следует, что он был на арабском языке.

Неверное умозаключение Аквината ввело в заблуждение многих ученых, в том числе и большого знатока данного вопроса — Отто Барденхевера¹¹. Само собой разумеется, что, когда речь идет о первоисточнике «Книги о причинах», обычно не говорят о книге Прокла «*Στοιχειώσις*

⁶ Albertus Magnus. *De intellectu et intelligibilis*, lib. I, tract. I, cap. 2, Ed. Jammy, t. V, p. 534.

⁷ Последнее, венецианское издание появилось в 1552 г. в VII томе латинского издания вместе с арабскими аристотеликами, Авиценной и Аверроэсом.

⁸ «Комментарий» Фомы Аквината впервые издан в 1493 г. в Падуе вместе с текстом Прокла. Во втором издании Комментария (Венеция, 1507) в оглавлении указано: *altissimi Procli de causis*.

⁹ Из-за незнания греческого языка Фома Аквинат читал *στοιχειώσις* как *elementatio*, что, разумеется, ошибочно.

¹⁰ Thomas Aquinas. *Opera*. Parma, 1852—1873, lib. 21; цит. по О. Барденхеверу (O. Bardenhewer. *Op. cit.*, S. 270).

¹¹ O. Bardenhewer. *Op. cit.*, S. 40 f.

θεολογική»; вопрос ставится о первой переработке учения Прокла в специальную «Книгу о причинах», представляющую самостоятельный труд, основанный на негативной диалектике, до которой Прокл не дошел. Поэтому «Книги о причинах», по всем данным, действительно не было на греческом языке, но она представляла переработку эссе из *Στοιχειώσις θεολογική*. Кто же сделал эссе из Прокла, касающиеся учения о причинах, и собрал их вместе в качестве материала для автора «Книги о причинах»? Эти эссе могли быть сделаны на греческом языке как извлечения из «Элементов» Прокла, но их переработка могла и должна была быть сделана, если ее не было на греческом, на любом другом языке из тогдашнего круга культурных народов. Искать у арабов эту переработку выдержек из Прокла в V в., пожалуй, рано, но она могла быть у более ранних цивилизованных народов Востока — сирийцев, армян и грузин. В сведениях о появлении «Книги о причинах» на арабском языке точно указывается 850 г. Сомнение вызывает только то, будто этой переработке предшествовал перевод книги Прокла также на арабский язык, причем время составления этих выдержек не указывается.

В немецкой «Истории философии» сообщаются на этот счет путанные и неверные сведения. Автором выдержек из книги Прокла там объявляется араб, который «должен был иметь под рукой «Элементы теологии» Прокла, произведение ученика Прокла, в арабском переводе»¹², иными словами, будто бы у Прокла был ученик-араб, который якобы и написал сочинение «*Στοιχειώσις θεολογική*», из перевода с которого другой араб в 850 г. составил сборник выдержек — «Книгу о причинах».

Эти сведения не заслуживают серьезного рассмотрения, хотя бы потому, что *Στοιχειώσις* написал не араб, а Прокл около 462 г., да и вообще вся эта версия не имеет никакой опоры в арабских источниках, в которых до самого позднего времени (до XII в.) отмечалось, что в основе арабской версии в каком-то виде лежала работа о «чистом добре», приписываемая Аристотелю. Что же касается арабских дополнений к псевдоареопагитской работе, то они были комментариями к Аристотелю, вроде его «Метафизики», приписываемой Алфараби (X в.)¹³.

Таким образом, сведения о первоначальных источниках «Книги о причинах» на арабском языке либо очень путаны, либо относятся к более позднему времени (не раньше X в.), тогда как арабская версия нашей «Книги» существовала уже в середине IX в. С некоторым основанием можно допустить, что признание «вероятной» оригинальности арабской «Книги о причинах» вызвано недоступностью более ранних источников *Liber de causis*, которые вовсе не обязаны быть греческим текстом, для нахождения которого О. Барденхеве́р ждет «счастливого случая»¹⁴.

Необходимо рассмотреть вопрос о сирийской версии «Книги о причинах»: известно, что Сирия намного опередила арабов в области развития философии и выступала в этом отношении в качестве учителя последних. Здесь следует прежде всего отвергнуть возможность какой-либо связи с «Книгой о причинах» сочинения под заглавием «О причине всех причин», приписываемого Исааку из Ниневи́и (конец VI в.), так как догадки об этой связи построены лишь на сходстве в заглавиях¹⁵.

Это, однако, не означает, что на сирийском языке не могло быть другого сочинения, которое имело бы отношение к «Книге о причинах», как

¹² Cp. Ü ber weg. Grund. d. Gesch. d. Philosophie, 1928, S. 303.

¹³ O. Bardenhewer. Op. cit., S. 140 f.

¹⁴ Ibid., S. 38.

¹⁵ A. Pöhlmann. Über die syrische Schrift «Liber generalis ad omnes gentes». «Zeitschrift für Deutsche morgenländische Gesellschaft», 1861, S. 648—663.

думает, например, О. Барденхеве́р. Он, в частности, заявляет: «Равным образом поэтому не может быть речи о также неопубликованном труде монофизита или якобита Сергия из Решайна середины VI в.»¹⁶

Но непосредственное отношение к делу имеет как раз сирийский источник V—VI вв., а не середины VI в., как пишет О. Барденхеве́р, и именно — Сергей из Решайна (ум. в 536 г.). Он не был ни монофизитом, ни якобитом, как думает О. Барденхеве́р, а учеником и последователем майумского мыслителя в Палестине Петра Ивера (411—491), автора так называемых ареопагитских книг, согласно положению Нуцубидзе¹⁷ и Э. Хонигмана¹⁸. После многолетнего пребывания в сирийской школе в Палестине, где Сергей учился под руководством Петра Ивера, он после смерти последнего вернулся в Сирию, где достиг сана епископа, продолжая поддерживать связь с грузинами из сирийской школы. Он составил «Слово» (λόγος), которое читалось ежегодно в день поминовения Петра Ивера, а также перевел на сирийский язык все сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита (Петра Ивера), присоединив к ним сочинение о причинах, составленное им на основе греческих материалов из *De divinis nominibus* и бесед в Майуме¹⁹.

Рукопись Сергия в каталоге отмечена как «*Tractatus de causis universi iuxta mentem Aristotelis, quo demonstratur universum circum efficere*». Под таким заглавием знают эту рукопись и Ренан²⁰, и Райт²¹.

Это заглавие работы Сергия, разумеется, описательного характера и составлено в библиотечном порядке, но оно основано на содержании самой книги и отражает все его элементы, а именно, что это работа о причинах мира, что она базируется на положениях Аристотеля и что в ней доказывается постоянное круговое движение мира²². Учение о круговороте связано в трактате Сергия с учением о первоначальной причине²³. Признание же круговорота предваряет идею вечности мира: мир приводится в движение единой причиной, которая существовала до его начала; единый всемогущий творец превыше существования²⁴.

Эти отдельные положения краткого трактата сопровождаются указанием на преодоление противоречия для постижения высшей причины и на связь этих рассуждений с основной теологической проблемой того времени (V—VI вв.) о взаимоотношениях божественной и человеческой природы.

¹⁶ O. B a r d e n h e w e r. Op. cit., S. 40.

¹⁷ Ш. Н у ц у б и д з е. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1941.

¹⁸ E. H o n i g m a n n. Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Denis l'Aréopagite. Bruxelles, 1952; см. русский перевод с предисловием Ш. Нуцубидзе (Тбилиси, 1955, изд. Гос. ун-та).

¹⁹ «Книга о причинах» Сергия из Решайна на древнесирийском языке хранится в рукописях Британского Музея. В 1958 г. ее микрофильм любезно был прислан библиотеке Академии наук Груз. ССР и лежит в основе наших суждений о ней. Текст трудно поддается расшифровке, но при помощи профессора Гос. ун-та им. Сталина в Тбилиси ассиролога Г. Цертели нам удалось восстановить ее основные положения.

²⁰ R e n a n, in: «*Journal Asiatique*», 4 série, t. 19. Paris, 1852, p. 320.

²¹ W r i g h t. Catalog of Syriac Manuscripts in the British Museum. London, 1870—1872, vol. III, 1156b — 1157a.

²² Упоминание Аристотеля в сирийском тексте всегда имеет добавление «философ»: «обучен учению Аристотеля, философа», «сочинение Аристотеля, философа», «все это доказывает философ Аристотель» и т. п. Составитель заглавия рукописи, по всем данным, имел под рукой сирийскую рукопись Сергия из Решайна.

²³ «Этот вид познания — познание по причинам. Мир, вращаясь вокруг себя без перерыва, по этому учению, — выше всех». «Он имеет изменения по природе и общую природную причину этого движения как круговращения» (микрофильм).

²⁴ «Мир, планеты созданы всесотворяющим единым существом: оно познано как единое, и другого (против него) нет, но движущее начало было до этого». «Мир не имеет начала и не будет иметь конца, ибо по совершенному доказательству они (конец и начало) связаны между собой» (там же).

Сергий отвергает мнение тех, «которые говорят о многих богах... в книге, которая нас настраивает против того, что не может быть бога в теле человеческого. Наш ответ и наше слово: да будет так, как нам преподано»²⁵.

Мы специально привели это место из текста книги Сергия из Решаина, так как оно прямо указывает на связь между его работой и второй главой сочинения Псевдо-Дионисия «De divinis nominibus», которая содержит, согласно указанию автора главы, краткое изложение тезисов сочинения о причинах, написанного ранее тем же Псевдо-Дионисием²⁶.

Ясно, что именно в это время, на грани V—VI вв., возникает тот узел, развязка которого, вполне возможная и реальная, могла бы привести к решению проблемы о первоисточниках Liber de causis. Исследователи, ставившие вопрос о том, нет ли на сирийском языке памятника, указывающего на «Книгу о причинах», прошли, как ни странно, мимо самого главного и надежного свидетеля — Сергия из Решаина.

Двадцать лет назад, предлагая науке новое решение проблемы о подлинном авторе так называемых ареопагитских книг, мы писали: «Биограф Петра Ивера, сообщая о факте перевода Сергием из Решаина книг Дионисия, передает, что он сделал «точный перевод». Там же указывается, что Сергий из Решаина составил слово (λόγος) к поминальному дню знаменитого Петра»²⁷.

В 1941 г. нам еще не было вполне ясно отношение работы Сергия о причинах к ареопагитским книгам. В настоящее время мы можем совершенно точно установить ряд положений, имеющих решающее значение в уяснении этого вопроса.

Сергий из Решаина не мог перевести свою книгу о причинах с греческого языка, так как она не была написана на этом языке. Хороший знаток ареопагитских книг, он знал, что во второй главе книги Псевдо-Дионисия «De divinis nominibus» содержатся тезисы «Книги о причинах», о которой там же упоминает сам Псевдо-Дионисий. Получив немало специальных знаний в результате длительного научного общения со средой, окружавшей Петра Ивера, Сергий кое-что добавил к тому, что он мог извлечь из этих тезисов, написанных на греческом языке.

Доказательством этого является то, что Сергий, следуя по существу при составлении своего трактата о причинах за этими тезисами, заимствовал из них и указание, что проблема соединения божественной и человеческой природы была поводом как для его работы о причинах, так и для всех так называемых ареопагитских писаний.

Приведем эти места по тексту «De divinis nominibus» и по трактату Сергия из Решаина:

De divinis nominibus

Воплощение бога подобно нам..., и принятие им человеческой природы мы принимаем как тайну...²⁸

Трактат о причинах Сергия из Решаина;

Напрасно говорят впустую..., что не может быть бог в теле человеческого. Мы не обсуждаем это: да будет так, как нам преподано²⁹

²⁵ Wright. Catalog of Syriac Manuscripts in the British Museum. London, 1870—1872, vol. III, 1156b—1157a.

²⁶ «De divinis nominibus», II, 9.

²⁷ Захарий Ритор. История церкви (англ. изд.), 1899, стр. 266; ср. Ш. Н. Н. Н. Н. Тайна Псевдо-Дионисия, стр. 42.

²⁸ «De divinis nominibus», II, 10.

²⁹ Трактат Сергия из Решаина, 8-й лист сирийского текста Британского музея (микрофильм).

К приведенному отрывку из «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия прибавлено его указание на особые работы, составленные как им («все это рассмотрено мной в достаточной мере в другом месте»), так и его «великим учителем, превосходно восхваляющим все в своем переложении «Элементов теологии»³⁰. Что это является отсылкой не к какому-то другому месту того же сочинения «De divinis nominibus», а к самостоятельной книге, ясно из того, что эта работа поставлена рядом с работой его «великого учителя». Встает вопрос: кто же был учителем Псевдо-Дионисия? Известно, что он неоднократно говорит о нем, а здесь, во введении к «De divinis nominibus», называет его Иеротеосом, что составлено из двух слов: τὸ ἱερόν (храм) и ὁ θεός (бог), т. е. «храм божий». Это — прозвище, которое приобретает особое значение, когда Псевдо-Дионисий называет своего учителя «настоящим Иеротеосом»³¹. Учитель этот — Иоанн Лаз (до монашества Митридат Лаз).

В другом месте Псевдо-Дионисий, переходя к изложению тезисов сочинения о причинах, говорит, что он передает то, что его «учитель с чарующим разумом сказал в составленных им «Элементах теологии»³².

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что речь идет не о сочинении Прокла, а о «составленных» из него «Элементах теологии» учителя Псевдо-Дионисия — Иоанна Лаза.

Сирийский вариант «Книги о причинах» преданного ученика Петра Ивера Сергия из Решаина, мимо которого прошли сторонники арабского («вероятного») оригинала IX в., чисто текстуальным путем привел нас к двум «Элементам теологии»: к написанным Проклом (в 462 г.) и к «составленному» (до 465 г.) из него сочинению «Теологические элементы», которое было гораздо короче первого.

Сирийская версия Сергия из Решаина содержит все основные элементы введения к «De divinis nominibus». Кроме указанных выше, здесь содержится учение о преодолении противоречия и о сверхбытии³³.

Сергий, разумеется, мог без особых затруднений перевести работу Псевдо-Дионисия, если бы она была написана, как и другие ареопагитские книги, на греческом языке. Но он не сделал этого. На каком же языке она была написана? Ответить на этот вопрос помогает грузинский философ Иоанн Петрици (ум. ок. 1125 г.). Он написал в конце XI — начале XII в. работу о «Στοιχειώσις θεολογική» Прокла с целью воссоздания учения о первой причине. Исходным пунктом Иоанну Петрици служила при этом работа Псевдо-Дионисия на ту же тему на грузинском языке. Иоанна Петрици не удовлетворяла ее краткость, и он решил дать более подробную переработку сочинения Прокла, однако с точки зрения тезисов Псевдо-Дионисия.

В послесловии к своей работе Иоанн Петрици пишет: «Причиной того, что я второй раз занялся переработкой этой книги («Элементов теологии» — Ш. Н.), является то, что возникла бесконечная разногласица в ее толковании, и случилось так, что некоторые были не сведущи, а иной, овеянный славой величия, поленился разъяснить незнание, и в нашем народе не было правильного понимания даже сказанного в евангелии и

³⁰ «De divinis nominibus», II, 10—11.

³¹ Ibid., II, 11.

³² Ibid., II, 10.

³³ Трактат Сергия из Решаина, л. 12: 1) «Что подчиняется природному внутреннему содержанию..., не имеет противоречия». «Противоречивое в отношении друг друга, как направленное одно против другого, не может образовать единое, первое движение которого вне творения». «Высшее единое не может содержать противоречия»; 2) «Имеющее необходимость бытия через самого себя существует согласно своей природе... и своим величием выше всего сущего».

у апостолов о действии начального логоса, или выражения «в начале было слово», так как не знали, что первое есть в отношении последующих первое и не разной от них, а одинаковой природы...»³⁴

Поскольку Иоанн Петрици говорит «о нашем народе» (υποδηλωσας Ἰωάννης ἑλληνων), которому краткое сочинение о первой и прочих причинах не могло разъяснить все, то не остается сомнения, что речь идет о сочинении с переложением учений Прокла о причинах, выполненном на грузинском языке. Следовательно, сохранившаяся до XI—XII вв. работа «овеянного славою величия» грузина (о котором в другом месте косвенно сказано, что это был Дионисий) была под рукой у Иоанна Петрици. Лишь впоследствии, по-видимому, в связи с тяжелыми событиями, происшедшими в стране, след этой работы постепенно затерялся.

Отсюда понятно, что Сергей из Решаина, переводя греческие сочинения Псевдо-Дионисия, не сумел перевести его грузинскую работу о причинах и составил ее ex epistola Дионисия — на основании введения к сочинению «De divinis nominibus»³⁵. Греческие работы Псевдо-Дионисия проникли в Западную Европу и в IX в. были переведены, как указывалось, на латинский язык Иоанном Скотом Эриугеной (в 858 г.)³⁶ и способствовали развитию пантеистического материализма, приведшего к идеологическому кризису во Франции в 1210 г.³⁷

«Книга о причинах» выпала, таким образом, в силу особенностей языка (грузинского), на котором была написана, из круга остальных ареопагитских сочинений и могла быть переведена на арабский язык только после установления арабского господства в Грузии. За триста лет (VII—IX вв.) арабско-грузинское общение в области культуры развилось настолько, что переводы с одного языка на другой стали обычным явлением. Такие памятники, как «Або Тбилели», «Мудрость Балавара», «Лимонарий» и многие другие, свидетельствуют об оживленных взаимосвязях грузин и арабов в области литературы. В это время был сделан перевод с грузинского на арабский язык и «Книги о причинах», которая существовала на грузинском, как мы в этом убедились, еще с середины V в. и была составлена на основе переработки извлечений из «Элементов теологии» Прокла, «собранных», согласно заявлению Псевдо-Дионисия, его учителем Иоанном Лазом в «Теологических элементах»³⁸.

Этот учитель Петра Ивера — Иоанн Лаз (Евнух) — был близок к Проклу и тотчас же по написании Проклом «Στοιχειώσις θεολογική» составил свое «собрание» из него. Для Псевдо-Дионисия это не было секретом: он, как мы убедились, знал, что все это было записано «в собранных им (Иоанном Лазом. — Ш. И.) «Теологических элементах» (ἐν ταῖς συνηγεμέναις αὐτῷ θεολογικαῖς στοιχειώσεσι³⁹). Это указание на «собрание» извлечений из «Элементов теологии» не оставляет места для сомнения в том, что Псевдо-Дионисий имел в виду эксцерпты из книги Прокла. Отсюда совершенно очевидна ошибка Э. Хонигмана, который пишет: «Петр нашел среди бумаг своего покойного друга извлечения из произведений Прокла, которые он ошибочно принял за сочинения самого Иоанна Евнуха — Иеротеоса. Как и Иеротеос, Прокл на-

³⁴ Иоанн Петрици. Труды. Тбилиси, 1937, стр. 249.

³⁵ «De divinis nominibus», II, 9—11.

³⁶ Эриугена снабдил свои переводы комментариями, а в 867 г. на основании этого написал работу «Περὶ φύσεως μέρμερόν» в пяти книгах.

³⁷ Вильгельм из Бретани сообщает о книгах, которые были «deludi a Constantino-poli et a graeco in latinum translati» («Gesta Philippi Augusti. Rerum Gallicarum et Franciscanum Scriptorum». Paris, 1818, p. 84).

³⁸ «De divinis nominibus», II, 44.

³⁹ Ibid., II, 40.

писал «Στοιχειώσις θεολογική» и т. д.⁴⁰ Но о «Στοιχειώσις» Прокла, во всяком случае в связи с указанием самого Петра (Псевдо-Дионисия), здесь не может быть речи. Что же касается фактической стороны дела, то, конечно, не Прокл писал, как Иеротеос, а наоборот.

Итак, остается факт составления собраний экспертов из «Στοιχειώσις» Иоанном Лазом и переработки их Псевдо-Дионисием в сочинение о причинах (первой и последующей) на грузинском языке (очевидно, для членов сирийской школы грузин в Майумах в V в.) с его последующим конспективным изложением во введении к «De divinis nominibus». Иоанн Петрици подтверждает факт существования такой работы на грузинском языке (с косвенным указанием на ее автора), а сирийская работа о причинах, принадлежащая Сергию из Решаина, является первой попыткой на грани V—VI вв. передать на сирийском языке «Книгу о причинах» Псевдо-Дионисия. Что арабы исходили из книги Сергия из Решаина, видно из попыток увязать учение о причинах («со взглядами Аристотеля»), на что нет никаких указаний во введении к «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия. Точно так же указание на две книги одного и того же наименования («Элементы теологии»), встречающиеся в некоторых арабских источниках, заимствовано, как из более раннего, из введения к «De divinis nominibus», на основании которого устанавливается и время — ок. 465 г., и автор «Собрания» извлечений (т. е. второго «Στοιχειώσις») — Иоанн Лаз — «действительный Иеротеос».

Эта всесторонняя точность сведений делает бесспорным вывод, что на арабской версии («вероятно», оригинальной) исследование первоначальных источников «Liber de causis» остановиться не может.

Остается вопрос о заглавии арабской версии (где Liber de causis фигурирует как исследование Аристотеля о «чистом добре»), продержавшемся до XIII в., после чего оно было окончательно заменено заглавием «Книга о причинах».

Во введении к «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия Аристотель не назван, но высказаны его идеи о вечности материи, о круговом движении, о сознательной и «деятельной» душе и др., которые побудили Сергия из Решаина упомянуть об Аристотеле как об авторе этих учений. Заглавием сочинения Псевдо-Дионисия о причинах, согласно его же указанию во введении к «De divinis nominibus», было: Τοῦ ἀγιωτάτου Ἱεροθέου ἐκ τῶν θεολογικῶν στοιχειώσεων.⁴¹

Основанием для заглавия арабской версии эти слова послужить не могли. Упоминание имени Аристотеля в книге Сергия послужило лишь поводом, остальное обусловила эпоха бурного увлечения Аристотелем, которое в известной мере определялось и «Книгой о причинах».

⁴⁰ E. Honigmann. Op. cit., S. 56.

⁴¹ В контрольном латинском тексте издания Кордерюса (XVI в.) это заглавие переведено как «Sanctissimi Hierothei verba ex theologicis elementis»